

DOI 10.15826/qr.2017.3.256

УДК 347.167+392.1+351.85

ПОНЯТИЕ «НАЦИЯ»: РОССИЙСКИЙ И ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ*

Рец. на: *Миллер А. И. Нация, или Могущество мифа /*
Алексей Миллер. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. –
146 с. : ил. – (Сер. Азбука понятий. Вып. 2).

Юлия Бут

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE CONCEPT OF NATION: RUSSIAN AND EUROPEAN CONTEXTS

Rev. of: Miller, A. (2016). *Natsiya, ili Moguchestvo mifa*
[Nation or the Power of Myth]. 146 p. St Petersburg, Europ. Univ. Press.

Yulia But

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In his recent book, the renowned expert on nationalism Aleksei Miller aims to make a comparative historical analysis of how the idea of the nation has been evolving in the Russian and European contexts, and, secondly, to introduce fundamental concepts and approaches to the problems of nationalism in world science. To examine the dynamics of the concept of nation, the author relies on the methods of conceptual history put forward by Reinhart Koselleck, the history of political discourse and thought by Quentin Skinner and J. G. A. Pocock, discourse analysis by Michel Foucault, and concepts of cultural, conceptual, and institutional transfers. The author follows the adventures of the concept of “nation” on Russian soil, which is of readily apparent interest and novelty. Miller starts from the Petrine era when, as he supposes, the concept was borrowed from Europe as a result of diplomatic contacts.

---

* *Citation:* But, Yu. (2017). The Concept of Nation: Russian and European Contexts. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256.

Цитирование: But Yu. The Concept of Nation: Russian and European Contexts // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256 / Бут Ю. Понятие «нация»: российский и европейский контекст // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 882–892. DOI 10.15826/qr.2017.3.256.

As early as the eighteenth century, the word “nation” was used in two ways: on the one hand, as a counterpart to the word “narod” that had been previously used in the Russian language and, on the other hand, in its European meaning of a noble corporation and a sovereign state. An important advantage of the book is that Miller’s review of the “nation” concept includes recent political events. He analyses the effectiveness of “nation-state” and “state-nation” patterns, and explains the semantic difference between the frequently used notions of “Russian” and “Russia’s” and between the English “national self-determination” and its Russian counterpart. Despite its undoubted relevance and usefulness, the book leaves a number of questions open. First of all, although its title is *Nation or the Power of Myth*, the book says nothing about myth – neither the concept nor its relation to “nation”. The author does not give a clear definition of the “nationalisation of dynasty” or his “before-after” opposition, which are crucial for his speculation. He does not comment on his alternative name for the well-known concept of imagined communities by Benedict Anderson. Inspecting historical examples of states to illustrate the dynamics of “nation” and nationalism, Miller leaves out the Habsburg monarchy, although it provided one of the most striking cases in the history of nation-building and national movements. Finally, the principle on which footnotes have been included is unclear throughout the text.

Keywords: nation; nationalism; *narod*; national self-determination; nation-state; state-nation.

В своей недавно вышедшей книге известный специалист в области изучения национализма ставит цель продемонстрировать в сравнительно-историческом ключе то, как эволюционировало содержание понятия «нация» в российском и общеевропейском контекстах, и представить основные концепции и подходы к изучению национализма в мировой науке. Методологическую базу исследования динамики понятия «нация» составили «история понятий» Р. Козеллека, история политического языка и концепций Кв. Скиннера и Дж. Покока, история дискурсов М. Фуко и концепции культурных, понятийных и институциональных трансферов. Несомненный интерес и определенную новизну представляет прослеживание автором приключений понятия «нация» на российской почве, начало которых Миллер относит к Петровской эпохе, когда это понятие, по его предположению, было заимствовано из Европы в результате дипломатических контактов. Уже с XVIII в. слово «нация» использовалось двояко: с одной стороны, как аналог ранее утвердившегося в русском языке понятия «народ», с другой – в европейской его трактовке как дворянской корпорации или суверенного государства. К несомненным достоинствам книги А. Миллера относятся доведение обзора трансформаций содержания понятия «нация» до последних политических событий современности, анализ эффективности моделей «нации-государства» и «государства-нации», пояснение смысловой разницы между активно используемыми в наши дни понятиями «русскость» и «русскость», *national self-determination*

и «национальное самоопределение». При всей актуальности и несомненной полезности книга оставляет читателю ряд вопросов. Прежде всего, несмотря на название, в ней ничего не говорится о мифе – ни как о понятии, ни как о его отношении к нации. Автор не раскрывает такие ключевые в его рассуждениях понятия, как «национализация династии» и оппозиция «раньше – позже» в динамике «нации». Без комментариев остается название известной концепции Б. Андерсона «воображенные сообщества» вместо привычного «воображаемые сообщества». В число исторических примеров государств, с которыми связана история понятий нации и национализма, Миллер не включает габсбургскую монархию, представлявшую собой один из наиболее ярких случаев в истории нациестроительства и национальных движений. Ко всему прочему, неясен принцип выборочности библиографических ссылок.

Ключевые слова: нация; национализм; народ; национальное самоопределение; нация-государство; государство-нация.

Книга профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге и Центрально-Европейского университета в Будапеште доктора исторических наук Алексея Миллера представляет собой своего рода квинтэссенцию его многочисленных работ, посвященных теме нации и национализма. Актуальность и даже злободневность книги не вызывают сомнения в свете укорененности и неослабевающей популярности этой проблематики в научном и общественно-политическом дискурсах на протяжении последних двух столетий. Книга Миллера вышла в серии «Азбука понятий», посвященной часто употребляемым в современном обиходе, но «непрозрачным», имеющим множественные смыслы терминам, и призвана систематизировать крайне обширную и разнообразную информацию, связанную с представлениями о нации. Следует отметить, что несмотря на научно-популярный формат издания, она все-таки носит научный характер; популярный характер имеют разве что помещенные на полях краткие справки об исторических персонажах, упоминаемых в тексте.

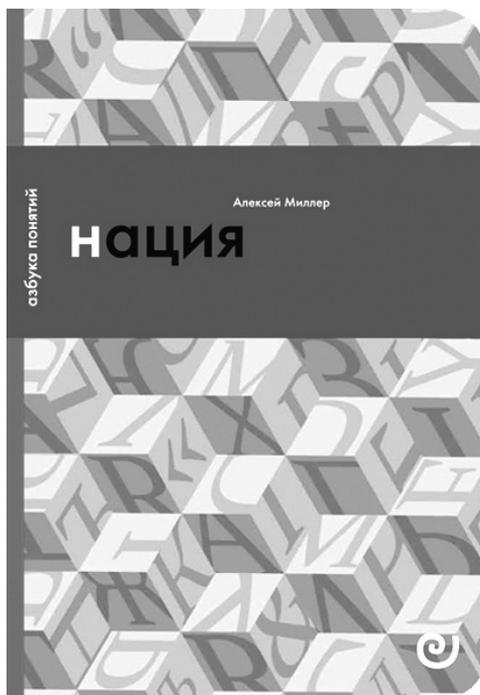
Во введении к книге автор подчеркивает, что в связи с невозможностью дать не то что единственно верное, но вообще сколько-нибудь общепринятое определение нации объектом его исследования выступает не само понятие, а историческая динамика его развития. Методологическую базу исследования этой динамики составили «история понятий» Р. Козеллека, история политического языка и концепций Кв. Скиннера и Дж. Покока, история дискурсов М. Фуко и концепции культурных, понятийных и институциональных трансферов.

Основная часть книги состоит из трех глав, но логически, в плане подхода к изложению материала, делится на две части. Первая представляет собой исследование эволюции понятий «народ», «народность», «нация», «национальность», «национализм» и «национальная

идея» в контекстах европейской и российской истории до начала XX в. и содержит оригинальные рассуждения и выводы. Вторая носит историографический характер; в ней излагаются существующие на сегодняшний день концепции и подходы к изучению национализма. Наиболее ярко представлена концепция самого Миллера о соотношении понятий «империя» и «нация» (с. 109–110)¹, легшая в основу ряда его работ об особенностях нацистроительства в империях и национализации имперской политики.

При характеристике Миллером динамики понятия «нация» в европейском историческом контексте

довольно оригинальным представляется выделение автором оппозиций «вверх – вниз», «внутри – вовне», «раньше – позже». Так, изменения по иерархической оси «вверх – вниз» наиболее очевидны при анализе периода от Античности до Французской революции конца XVIII в.: вначале словом *natio* обозначали не доминировавшие в государстве группы пришельцев, не имевших прав граждан, затем – движение вверх – привилегированное сословие, дворянскую корпорацию, позднее – снова вниз – все третье сословие, включая санкюлотов (с. 18–21). Подвижность границ нации «внутри – вовне» связана с факторами включения в какую-либо нацию или исключения из нее определенных этнокультурных и конфессиональных групп. В качестве примера автор указывает стремление причислить к немецкой нации славян-протестантов и эльзасцев, несмотря на их «французскую» культуру, или, как в случае русских националистов, исключить из состава русской нации поляков, но включить в нее финно-угров (с. 32). Досадно, что, приводя эти примеры, автор обходится без ссылок на конкретные источники и даже не упоминает имен националистов, разделявших указанные позиции. Хотя первая («вверх – вниз») и вторая («внутри – вовне») оппозиции в динамике понятия «нация» Миллером раскрыты достаточно ясно. Не совсем понятно, что он подразумевает под третьей оппозицией «раньше –

¹ Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках с указанием номеров страниц.

позже». Казалось бы, эта оппозиция предполагает противостояние представлений о времени рождения той или иной нации. Однако автор пишет только о том, что данная оппозиция добавляется с рубежа XVIII–XIX вв., когда в понимании русских либералов нация принадлежала будущему и была нагружена «позитивными ожиданиями политического и социального освобождения», а для консерваторов была «нагружена негативными ожиданиями всеобщей упрощающей унификации» (с. 35–36). То есть речь здесь идет только о положительном или отрицательном отношении русских интеллектуалов к будущему формированию нации, и поскольку далее автор к указанному вопросу больше нигде не возвращается, смысл оппозиции «раньше – позже» остается загадкой.

Прослеживание автором бытования понятия «нация» на российской почве представляет безусловный интерес как тема, мало изученная в отечественной историографии, однако здесь он не добавляет ничего нового по сравнению с ранее опубликованными им работами (см.: [Миллер, 2009; Миллер, 2010; Миллер, 2012]). Вслед за дореволюционным исследователем Н. А. Смирновым Миллер высказывает предположение, что само слово «нация» было заимствовано в Петровскую эпоху в результате дипломатических контактов с европейскими государствами и приводит в подтверждение цитаты из документов первой трети XVIII в., опубликованных тем же Смирновым. Основываясь на приведенных документах, а также на речах Феофана Прокоповича [Феофан Прокопович, с. 23–146], исследователь делает вывод, что уже в первые десятилетия XVIII в. понятие «нация» использовалось в трех значениях: (1) как аналог ранее утвердившегося в языке слова «народ», в европейском понимании (2) суверенного государства и (3) дворянской корпорации (с. 40–43). Первое и второе из указанных значений действительно следуют из приведенных источников: в «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (не позднее 1725 г.) читаем, что нация – это «народ русский, немецкий, польский и прочая» (цит. по: [Смирнов, с. 362–382]), а в «Регламенте шкиперам» (1724) указано, что «когда чужестранный [шкипер] найдет что в воде потерянное людьми нашея нации, то оное объявлять» (цит. по: [Смирнов, с. 203]). Однако третье значение нации как дворянской корпорации в цитатах, приводимых Миллером, не встречается; его наличие базируется только на том предположении, что, судя по окончанию «-ия», слово пришло из Польши, где под ним подразумевалась шляхта.

Продолжая прослеживать динамику употребления понятий «нация» и «народ», автор отмечает, что на рубеже XVIII–XIX вв. оба слова используются все чаще в связи с резко возросшей этнической гетерогенностью Российской империи (с. 56), но в 1820–1830-е гг. понятие «нация» вытесняется из дискурса имперских элит как «неудобное» и даже опасное из-за его неразрывной связи с идеями конституции и национального представительства, бросавшими вызов самодержавию. В качестве доказательства последнего утверждения автор приводит тот

факт, что в 1831 г. Николай I был детронизирован по решению сейма от имени польской нации (с. 59). Ссылки на постановление о детронизации императора от 25 декабря 1831 г. при этом нет, однако если мы обратимся к тексту этого документа, то слова «нация» (*nasja*) там не найдем; в постановлении говорится, что «польский народ» (*naród polski*) объявляет себя «независимым народом» (*niepodległym ludem*) [Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I]. Таким образом, в данном случае заявление о том, что слово «нация» стало употребляться российскими элитами реже, потому что его использовали государственные мятежники, выглядит необоснованным.

Понятие «нация» возвращается в общественный дискурс в начале 1860-х гг. в связи с доминированием таких тем, как национальный сепаратизм на окраинах и консолидация русской нации, страдающей, по сравнению с Западной Европой, недостаточностью национальной сплоченности и национальной энергичности (с. 64–65). Начиная с 1880-х гг. идея целостности империи становится ключевой для русских националистов, а при Александре III и Николае II начинается постепенная национализация династии Романовых как реакция на позицию националистов, считавших, что «империя должна служить прежде всего интересам русской нации, а не династии» (с. 73). Здесь, на наш взгляд, было бы не лишним пояснить, что автор подразумевает под «национализацией династии», поскольку это понятие еще не вполне устоялось в отечественной науке. В книге «Нация, или Могущество мифа» текст, где речь идет о национализации династий, сопровождается ссылкой, куда вынесена цитата из статьи М. П. Погодина «Польский вопрос». Суть цитаты заключается в том, что в государе следует видеть русского, а не «сборного человека из всех живущих в России национальностей» (с. 73). Следует ли понимать эту ссылку так, что Миллер под национализацией династии подразумевает именно стремление интеллектуалов сформировать образ правителя, обладающего исключительно чертами и характеристиками титульной нации? Как «национализация династии» в понимании Миллера соотносится с понятиями «натурализации династии» и «официального национализма», разработанными Х. Сетон-Уотсоном и Б. Андерсоном и охарактеризованными ими как «волевое соединение нации с династической империей» и «средство натягивания маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи» [Seton-Watson, p. 148; Андерсон, с. 108]? Без каких-либо пояснений Миллер использует понятие «национализации династии» и на с. 36: в качестве иллюстрации этого феномена в Европе XIX в. он приводит цитату из речи О. фон Бисмарка в рейхстаге в 1873 г., в которой последний заявлял о своей принадлежности к народу. Автор пишет о том, что это выступление «превосходно иллюстрирует процесс национализации династий» и являет собой разительный контраст с заявлением Людовика XV, не желавшего признавать нацию отдельным от монарха телом. Встает вопрос об уместности примера Бисмарка и правомер-

ности сравнения его с Людовиком XV, поскольку канцлер Германской империи к правящей династии никоим образом не принадлежал.

Понятие национализации вне привязки к династии встречается у автора при рассмотрении взглядов П. И. Ковалевского. Последний понимал этот термин как привитие определенной группе людей национальных свойств, то есть и как нациестроительство, и как ассимиляцию, отмечая, что «русская нация очень слабо национализирована», а «большинство русской интеллигенции не только анационально, но прямо или антинационально» [Ковалевский, с. 55]. Интересно, что Ковалевский разводил понятия «народ» и «нация»: «Словом “русский народ” обозначают... состав жителей всего Российского государства, и... в это государственное понятие входит 150 наций, составляющих Российскую империю» [Ковалевский, с. 63–64]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что еще в дореволюционной России существовал достаточно ясно обозначенный концепт русского народа как многоэтничного, но в то же время монолитного наднационального сообщества. Позднее этот концепт, как справедливо отмечает Миллер, активно использовался в советский период. При всем этом, однако, за рамками книги остается интригующий вопрос о том, что все-таки конкретно означают понятия «национализация нации» и «национализация династии», в чем же именно, с точки зрения автора, выражались эти процессы.

Несомненным достоинством работы является доведение обзора трансформаций социального и политического содержания понятия «нация» до последних событий современности, в том числе комментарии по поводу феномена беженства и реакции населения на присоединение Крыма. Верно замечание автора, что проблематичность ведения продуктивной дискуссии о нации в современной России заключается в том, что предметом служат одновременно слишком много ключевых тем – русский ирредентизм, восстановление империи, геополитические мотивы, «русская весна», право на национальное самоопределение крымчан и т. д. (с. 134–135). При этом, как с определенной долей сарказма подчеркивает автор, «разные объяснения часто фигурировали в рамках одного политического высказывания» (с. 135), что свидетельствует об отсутствии четкого понимания ораторами употребляемых ими звучных и на сегодняшний день модных терминов.

К числу справедливых утверждений Миллера относится замечание о том, что в русском языке утвердился неправильный перевод и, соответственно, неверное понимание широко используемого английского термина *national self-determination*. В результате перевода этого термина как «национальное самоопределение» возникло убеждение в необходимости самоопределения наций как этнических сообществ, что при отсутствии понятия о защите прав меньшинств привело впоследствии к геноциду и этническим чисткам в XX в. Оригинальная же английская формула означает государственное самоопределение и демократическое устройство (с. 136).

Значительное место Миллер уделяет пояснению разницы между моделями «нации-государства» и «государства-нации». При этом он впервые, насколько мне известно, вводит в отечественную историографию концепцию «государства-нации», разработанную американскими учеными Альфредом Степаном и Хуаном Линцем в 1996 г. для демократического развития многонациональных государств, отличающихся социокультурным разнообразием. Нельзя не согласиться с Миллером в том, что модель «нации-государства» является неперспективной для Российского государства, которому, ввиду имперского наследия, следует двигаться по пути второй модели (с. 135). Для этого необходима глубокая адаптация политических институтов к ситуации сосуществования нескольких политически мобилизованных этнических групп. Насильственные же попытки подогнать реальность под модель «нации-государства» приводят государство к глубокому кризису и даже распаду, чему автор приводит убедительные примеры из истории (с. 134).

Однако далее автор словно забывает о своем предложении построить в России государство-нацию, где в рамках одного государства сформировались бы множественные взаимодополняющие идентичности, как, например, в Бельгии, Испании или Индии. Он возвращается к обсуждению только одной нации в России, подробно останавливаясь на смысловой разнице понятий «российскость» и «русскость», и отмечает, что государство, в котором гражданской нацией является российская, вправе требовать аккультурации как от своих нерусских граждан, так и от тех, кто по долгу живет и работает в России (с. 142). То есть автор все же видит Россию как нацию-государство, политика которого нацелена на утверждение единой мощной идентичности у граждан? Ведь, на мой взгляд, правительственные курсы на формирование у граждан единой самоидентификации, будь то русская нация в Российской империи, советская нация в Советском Союзе или российская нация в Российской Федерации, являются очевидными примерами как раз таких насильственных попыток создания нации-государства, о которых говорилось выше.

При всей оригинальности и несомненной полезности, в частности, в плане методологических подходов к изучению исторической динамики понятий, книга оставляет ряд вопросов. Прежде всего недоумение вызывает само название – «Нация, или Могущество мифа», поскольку автор нигде не пишет ни о мифе как о понятии, ни, тем более, о нации как о мифе. Как раз наоборот, нация в его понимании – это совершенно реальное дискурсивное поле, имеющее крайне высокую актуальность на протяжении последних двух столетий. Возможно, здесь присутствует аллюзия на известную, но не переведенную на русский язык книгу американского исследователя Джозефа Кэмпбелла [Campbell]? В случае вынесения понятия «миф» в название книги обозначить свое понимание этого слова

было бы гораздо полезнее, чем, например, дублировать определения русского ирредентизма на с. 16 и 134 или дискурса в понимании М. Фуко на с. 121 и 123.

Приводя довольно интересный экскурс в историю понятий нации и национализма, Миллер не включает в число исторических примеров габсбургскую монархию, тогда как, на мой взгляд, именно это государство представляло собой один из наиболее ярких и интересных случаев в истории нацистроительства и национальных движений. Например, обращаясь к вопросу о строительстве имперских наций, автор упоминает о Франции, Британии, Германии, России, Испании, Дании, Швеции, Османской империи и даже Японии. При этом он отмечает, что «при строительстве наций в имперских метрополиях... мало кто руководствовался идеей включить в нацию все население империи» (с. 107). Представленная картина могла бы быть дополнена исключительным примером австрийских транснационалистов, развивавших идею «австрийской нации», которая бы охватывала все группы, проживавшие на территории габсбургской монархии, вне зависимости от этнического происхождения.

Затрагивая проблемы монархического патернализма и эмансипации нации, А. Миллер отмечает, что во Франции именно сильная монархическая власть, стремившаяся сформировать у подданных ощущение единства, создала нацию, которая в лице парламента «сделалась полюсом, противоположным короне», и уничтожила монархию (с. 25–26); в других странах монархия и аристократия пытались «национализироваться» в течение XIX в., и там, где этого достичь все-таки не удалось, они были сметены революциями начала XX в., например, в Российской и Османской империях. Здесь опять-таки был бы интересен случай габсбургской монархии и австрийской аристократии с ее этнической и юридической интернациональностью, которая, несмотря на отмену титулов и конфискации в результате революции 1919 г., не исчезла как класс, продолжала занимать руководящие посты и существенно пострадала уже гораздо позднее в национальных государствах Австрии, Венгрии и Чехословакии от рук пришедших к власти нацистов или коммунистов.

В замешательство приводит неясный принцип выборочности библиографических ссылок. Например, на работы таких широко известных авторов, как Мишель Фуко, Клиффорд Гирц, Бенджамин Андерсон, Джон Армстронг, Эрнест Геллнер, ссылки есть, а на работы гораздо менее известных в отечественной литературе, но важных для данной темы Майкла Хехтера, Аренда Лийпхарта, Роджерса Брубейлора, Стэнли Хофмана, Барбары Уолтер, Джека Снайдера ссылки отсутствуют. На с. 98–99 очевидна путаница с библиографическими ссылками: выходные данные книги Э. Хобсбаума включены в ссылку, относящуюся к описываемой несколькими предложениями ниже работе Дж. Армстронга. Возможно, следовало включить в основной текст вынесенное в ссылку под номером

четыре на с. 93 утверждение о том, что «И. Сталин пытался убедить Ленина, что декларирование права республик на выход из СССР чревато сепаратизмом», поскольку оно не сопровождается указанием на какие-либо источники. Также приходится самостоятельно увязывать с основным текстом вынесенную на отдельную страницу и никак не комментируемую обширную цитату из «Миросистемного анализа» И. Валлерстайна (с. 114).

Знаменитую концепцию Б. Андерсона *imagined communities* Миллер переводит как «воображенные сообщества» (с. 115) вместо ее устоявшегося в российской историографии названия «воображаемые сообщества», никак это не комментируя. Считает ли он такой перевод, меняющий модальность и обозначающий процесс «воображения» законченным, более точным? Видит ли необходимость внесения изменений в сложившуюся в отечественной исторической науке традицию? В библиографических ссылках на с. 115 и 117 и в списке рекомендуемой литературы приведены выходные данные англоязычного варианта книги Андерсона (в ссылках – первого издания 1983 г., в списке литературы – второго издания 1991 г.), тогда как книга была переведена на русский язык в 2001 г. [Андерсон], и в целом для читателя было бы удобнее указать данные русскоязычного издания. То же самое хочется отметить в отношении книги Э. Хобсбаума «Нации и национализм после 1780 года» [Хобсбаум], англоязычное издание которой 1991 г. Миллер включил в свой список рекомендуемой литературы, тогда как работа была переведена на русский и издана довольно большим тиражом еще в 1998 г.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества : Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 288 с.

Ковалевский П. И. Национализм и национальное воспитание в России. Нью-Йорк : Изд. союза «Единство Руси», 1922. 333 с.

Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отеч. зап. 2012. № 1 (46). URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (дата обращения: 12.08.2017).

Миллер А. И. Народность и нация в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.

Миллер А. И. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия «нация» в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pares: Роль трансферов истории Российской империи (1700–1917). М. : Новое лит. обозрение, 2010. С. 42–66.

Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1910. 398 с.

Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 503 с.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А. А. Васильева. СПб. : Алетейя, 1998. 308 с.

Campbell J., Moyers B. *The Power of Myth*. N.-Y., Toronto : Anchor Books, 1991. 293 p.
 Seton-Watson H. *Nations and States : An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colo : Westview Press, 1977. 563 p.

Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I // Powstanie Listopadowe / ed. J. Lachowski. Lwów : Obywatelski Komitet Obchodu Stulecia Powstania Listopadowego we Lwowie, 1931. S. 8.

References

Anderson, B. (2001). *Voobrazhaemihe soobthetstva. Razmihshleniya ob istokakh i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole. 288 p.

Kovalevsky, P. I. (1922). *Nacionalizm i nacionaljnoe vospitanie v Rossii* [Nationalism and National Education in Russia]. NY, Izdanie soyuza “Edinstvo Rusi”. 333 p.

Miller, A. I. (2012). Istoriya ponyatiya “naciya” v Rossii [History of the Concept of Nation in Russia]. In *Otechestvennihe zapiski, 1 (46)*. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii> (mode of access: 12.08.2017).

Miller, A. I. (2009). Narodnostj i naciya v russkom yazihke XIX veka: podgotoviteljnihe nabroski k istorii ponyatiyj [Narodnostj and Nation in the 19th Century Russian Language: Preliminary Sketches to the History of Concepts]. In *Rossiyskaya istoriya, 1*, pp. 151–165.

Miller, A. I. (2010). Priobretenie neobkhodimoe, no ne vpolne udobnoe: transfer ponyatiya “naciya” v Rossiyu (nachalo XVIII – seredina XIX v.) [A Necessary, but Hardly Convenient Acquisition: Transfer of the Concept of Nation to Russia (the Early 18th and Mid-19th Centuries)]. In *Imperium inter pares: Rolj transferov istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p., pp. 42–66.

Smirnov, N. A. (1910). *Zapadnoe vliyanie na russkiy yazihk v Petrovskuyu ehpkhu* [Western Impact on the Russian Language in Peter I Epoch]. St Petersburg, Tip. imp. akademii nauk, 1910. 398 p.

Theophan Prokopovich (1961). *Sochineniya* [Works], I. P. Eremin (Ed.). Moscow, Leningrad, Izdateljstvo akademii nauk SSSR. 503 p.

Hobsbawm, E. *Nacii i nacionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism Since 1780]. St Petersburg, Aleteyjya. 308 p.

Campbell, J., Moyers, B. (1991). *The Power of Myth*. N.-Y., Toronto, Anchor Books. 293 p.

Seton-Watson, H. (1977). *Nations and States. An Enquiry into the Origins of Nations and the Politics of Nationalism*. Boulder, Colo, Westview Press. 563 p.

Uchwała Sejmu o detronizacji Cara Mikołaja I [The Diet’s Decree on Detronization of Tsar Nickolas I]. In Lachowski, J. (Ed). (1931). *Powstanie Listopadowe*. Lwów, Obywatelski Komitet Obchodu Stulecia Powstania Listopadowego we Lwowie. P. 8.

The article was submitted on 17.02.2017